

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 82.091, 821.511.111

ШВЕДОЯЗЫЧНАЯ ФИНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК ПОГРАНИЧНЫЙ ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ

Востров А. В.

В статье рассматривается шведоязычная финская литература как составная часть финской литературы, а также ее взаимосвязь с родственной по языку шведской литературой. На основе семиотической теории Ю. Лотмана, локально-исторического метода Н. Анциферова, а также комплекса идей М. Бахтина вводится понятие «границы» в контексте указанной литературы национального меньшинства. Рассматриваются основные особенности шведоязычной финской литературы, обзор ее истории, современная ситуация. В заключении анализируются перспективы дальнейшего ее развития.

Ключевые слова: шведоязычная финская литература, семиотическая теория, локально-исторический метод Н. Анциферова, М. Бахтин, пограничные культуры.

Введение

«Граничный (краевой) эффект» в естественных и гуманитарных науках рассматривается как влияние границ смежных областей и проявляется в физике (в частности, в фотографии), биологии, психологии, математике, моделировании... В контексте рассматриваемой тематики следует остановиться на нескольких основных трактовках термина. На «правиле краевого эффекта» в биологии, которое понимается как *сгущение жизни* на границах экосистем. И на «эффекте края» в психологии, связанным с *памятью* (явление, показывающее, что лучше всего запоминается материал, находящийся в начале и в конце) и феноменом принятия решений. Помимо этого, необходимо обратить внимание на «граничный эффект», возникающий в абстрактных математических клеточных автоматах, описывающих, в том числе, *свойства* некоторых живых организмов.

Перенос термина в область литературоведения можно оправдать тем, что междисциплинарность в данный момент является одним из основных подходов при изучении интертекстуальных явлений – особенно, в компаративистике, где наряду с широко используемым историзмом рассматриваются связи литературы с психологией, философией, мифологией. Немаловажной причиной заимствования математических формализмов является двойственность литературных категорий (в математике – «истина/ложь», «максимум/минимум», «объединение/пересечение»

и т. д.): диалог культур зачастую изучается через призму синхронного компаративизма, рассматривая обоюдные контакты. Ю. Лотман при изучении литературных явлений использует математические аспекты, связанные с понятием семиосферы, которая обладает свойством бинарности – наряду с асимметричностью и однородностью.

Концепция «своего» и «чужого» также является проявлением двойственности и представляет две стороны границы (*вне* и *в*), обладающие свойством не только *разделять*, но и *соединять*. В исторических науках часто используется идея противопоставления *центра* и *периферии*, которая базируется, в том числе, на математической теории графов и в некоторых случаях заимствуется компаративистикой. Упоминание центра (например, «петербургского текста») отсылает к теории локального сверхтекста, для которого В. Топоров выделил общий язык и общие места текстов, составляющих данный сверхтекст: «...“субъективность” целого парадоксальным образом обеспечивает ту “объективность” частного» [13, с. 19].

Еще одним аспектом, который необходимо принять во внимание, является трудно предсказуемая динамика процессов, происходящих на границах: взаимопроникновение культур на разных уровнях, языковые контакты и смешивание языков, возникновение новых мифологем и культурных кодов. Знаковые исторические события и их сложно предсказуемые последствия также возникают преимущественно на периферии. Указанные особенности неминуемо воспроизводятся в

литературных произведениях авторов, особенно тех, кто находится на любых границах – культурных, языковых, географических.

Граничные явления

Определение *границы* часто зависит от области исследования. Например, наиболее общим ее свойством в социологии и политологии является взаимная связь между идентичностью, территорией и культурой. Рассматривая динамику процессов, можно ввести четыре одновременных свойства границы: формирование территории, символизм, социально-политические институты региона, установление единого субъекта в общей региональной системе [23, р. 29–31]. В рамках данной статьи особенно интересными представляются первые два свойства.

Ю. Лотман определяет границу как «черту, на которой кончается периодическая форма» [10, с. 257]. Рассматривая границу в контексте изучения семиосферы, он приводит свойства структуры последней: бинарность (принцип, реализуемый как множественность), асимметрия (система направленных токов переводов), неоднородность (различие языков по своей природе). Согласно Лотману, асимметричность может проявляться в соотношении *центра* семиосферы и ее *периферии* с точки зрения естественного языка конкретной культуры [10, с. 252–256].

В этом ключе граница двусмысленна: она принадлежит обеими пограничным культурам, является би- и полилингвистичной, становится механизмом перевода текстов из «чужой» семиотики в «свою». В случаях анализа реальных (территориальных) черт семиосферы, граница обретает пространственный смысл в прямом значении, определяет противопоставление центра и периферии. Так как граница двусторонняя, то она, согласно Ю. Лотману, является областью конституированной билингвальности, что выражается в языковой практике населения на границе культурных ареалов [10, с. 267].

Граница также порождает прямой диалог культур, одним из средств выражения которого является литература. И. Неупокоева справедливо предполагает, что «ни одна область истории и теории литературы не связана так тесно со смежными областями историко-культурного знания, как изучение взаимосвязей и взаимодействия литератур» [12, с. 28]. Пересечение семиотического пространства многочисленными границами создает ситуацию многократных переводов и трансформаций текстов (в частности, литера-

турный перевод). Тогда функция любой границы сводится к отделению «своего» от «чужого», фильтрацию внешнего (текст на *чужом* языке) и перевода текста на *свой* язык [10, с. 262, 265].

В литературоведении выделяют два основных типа литературных связей и взаимодействий: контактные (основанные на непосредственных литературных и культурных контактах, т. е. переводах произведений, влияния произведений, непосредственное общение между различными представителями культур – «посредниками») и типологические (обусловленные сходством литературных процессов и общественного развития народов, исторических процессов, философских систем, ландшафта, психологии) [12, с. 24]. Сочетая два указанных выше типа взаимодействий с локально-историческим методом, предложенным Н. Анциферовым и включающим тезисы о «самодовлеющей власти местности над судьбой и сознанием человека» и «власти города над сознанием и поступками персонажей» [1, с. 12, 492], можно получить еще один аспект анализа литературных произведений.

Метод Анциферова созвучен с комплексом идей М. Бахтина, согласно которому образы местности относятся к хронотопическим: «Хронотоп определяет художественное единство литературного произведения в его отношении к реальной действительности. Хронотоп в произведении всегда включает в себя эмоционально-ценностный момент, характеризующий авторское мировоззрение и состояние общественного сознания» [2, с. 391–392]. Хронотопическая образность одновременно рассматривает прошлое и будущее, а также свидетельствует о глубине постижения общественным сознанием собственной истории, а также человека в ней в условиях социальной реальности. Отталкиваясь от работ М. Бахтина, определившего «полифонию» или «полигlossию» в литературном тексте, можно перейти к вопросу о «внеаходимости» автора, понимаемой здесь как состояние неполного присутствия и как невозможность четкой пространственной фиксации [14, с. 76]. Последнее можно трактовать как с точки зрения географическо-социологического фактора (местоположение автора и его роль в обществе), так и методологического (соотнесенность с литературой региона или с единым языковым пространством).

В ракурсе шведоязычной финской литературы данный термин отсылает к вопросу о самоопределении авторов. Географическо-социологический фактор связан с идентично-

стью авторов: являются ли финляндские шведы финнами, шведами или представляют собственную культуру национального меньшинства вне значительной связи с обеими? Учитывая, что в данный момент в Финляндии проживает около 5 % шведоязычных финнов, распределенных по территории страны весьма неравномерно, а также статус языка (шведский язык является вторым официальным национальным языком со значительным культурным бэкграундом), данный вопрос приобретает серьезный социологический окрас. И содержит в себе противопоставления на уровне «большинство» – «меньшинство», выраженные в языковых трениях на протяжении последнего столетия.

Методологический фактор соотносит автора с пространством литературы: с какой литературой тот связывает себя – с финской, шведской или шведоязычной финской? В условиях стремительных изменений национальных культур двуязычный (подавляющее большинство финляндских шведов двуязычны) автор обрекает себя на культурную «внезаходимость»: частичном присутствии в одной культуре и неполном отождествлении себя с другой. Данная трактовка становится еще одним преломлением границы и следствием сближения пограничных культур.

Подобной точки зрения придерживается культуральный историк П. Бёрк: «Сближение дисциплин, как и сближение культур, часто происходит по принципам конгруэнтности и конвергентности. То, что привлекает людей из одной культуры к другой – часто представление или практика, аналогичные их собственным, такие знакомые и в то же время незнакомые. Следуя этому влечению, представления и практики обеих культур начинают походиться друг на друга еще сильнее» [4, с. 67]. С точки зрения двуязычного финского общества важной иллюстрацией схожего процесса является парадокс К. Такселла: «в случае языкового меньшинства двуязычные решения часто приводят к моноязычию, а моноязычные решения обеспечивают двуязычие» [8, с. 156]. Подобные взаимные трансформации – из одной крайности в другую – являют динамику систем, вызванную граничными явлениями.

Таким образом, внутренняя закономерность развития отдельных наций или языковых (этнических) групп не является полностью случайной и обуславливается социальными, экономическими, культурными факторами – наряду с конкретными историческими условиями, предшествовавшими пе-

ременам. В частности, культурный (литературный) акт запечатлевает глубокие исторические процессы, но «отвлеченный от границ, он теряет почву, становится пустым, выродждается и умирает» [3, с. 282].

Анализ подобных явлений приводит к изучению треугольника «идентичность – интерсекциональность – идентификация», которая порождает маркеры различий: моно/двуязычие, центр/периферия, высокая/низкая культура, культурный/сельский шведский язык и т. д. [20, р. 42] Здесь под *интерсекциональностью* будет пониматься пересечение различных форм или систем доминирования в языковых отношениях (большинство/меньшинство) или языкового статуса (официальный/неофициальный) с точки зрения финского и финляндского шведского языков. Тогда финляндский шведский как язык привилегированного национального меньшинства с широким историческим следом является иллюстрацией пограничного взаимодействия культур. В этом ключе шведоязычная финская литература представляет интерес как часть национального литературного процесса и область взаимодействия с родственной (по языковому признаку) шведской литературой.

Шведоязычная финская литература в контексте национальной литературы

Шведоязычная финская литература в России зачастую ошибочно связывается со шведской из-за единого языкового пространства, однако литературные традиции двух соседних стран значительно отличаются. Процесс поиска национального самосознания в российский период истории Великого княжества Финляндского (1809–1917) окончательно отделил финскую литературу, в то время почти исключительно шведоязычную, от шведского берега, и в дальнейшем расстояние лишь увеличивалось.

Финский ландшафт, столетиями коррелируя со шведским культурным пространством, тем не менее, оставался во многом самодостаточным, а неразрывность связи со Стокгольмом (позднее с Санкт-Петербургом) подчеркивала сильное этнокультурное и социальное воздействие центра. Указанное взаимодействие создает преломление диалога «своего» и «чужого» в контексте финляндской, шведской (и русской) литератур в конце XIX – начале XX вв. Например, шведоязычный финский поэт Й.-Л. Рунеберг, стоявший у истоков финляндской литературы,

описывал только периферию – родные просторы, постепенно становившиеся центром: именно его шведоязычные строки «Наш край» после перевода на финский язык стали словами гимна. Также известны его контакты с русской литературой (и переводы на шведский язык А. Пушкина), наиболее отчетливо представленные в переписке с Я. Гротом.

После обретения Финляндией независимости шведоязычная финская литература постепенно превратилась в своеобразное культурное пространство, лишь частично соприкасающееся с финноязычным. Созданные авторами произведения не вписываются ни в финскую (к которой номинально относится), ни в родственную по языку шведскую литературу, вместе с тем сохраняя возможности для сближения. Говоря о шведоязычной финской прозе периода 1890–1980-х гг., Мерете Маццарелла использовала метафору «тесная комната» (*det trånga rummet*) [22, р. 37], которую можно расширить до образа столкновения локального пространства литературы финляндских шведов с глобальным пространством финской литературы и/или шведской литературы. Клаустрофобия финского шведоязычного мира отражается во многих произведениях авторов «тесной комнаты», побуждая к расширению горизонта: к контактам со смежными литературными пространствами. Важно отметить, что с 1980-х гг. рассматриваемая литература движется в двух направлениях: *центростремительном* (семья, традиции, ощущение меньшинства) и *центробежном* (нефинское окружение героев и путешествие как значимая часть сюжета) [16, р. 705].

Таким образом, финляндскую литературу на шведском языке можно рассматривать как явление, рожденное исторической и языковой необходимостью на пересечении финляндско-шведских путей (или как интерсекциональность). Современная шведоязычная литература Финляндии находится в своем микрокосме и, в отличие от финноязычной, чаще может позволить себе эксперименты, проявить свою самобытность без оглядки на современные течения и социальные потребности (финноязычная литература считается более «привязанной» к политике и социальным аспектам жизни страны). В то же время она вынужденно сохраняет дистанцию от шведской литературы.

Принято выделять две главные вехи финляндской литературы: произведения главного поэта страны Йохана-Людвига Рунеберга (1804–1877) и «Калевалу» Элиаса Лённрота.

«Калевала» – ключевой фактор формирования национальной литературы, но самосознание финской нации начиналось с романтических шведоязычных строк Рунеберга, пронизанных финской природой и национальным духом. Для шведоязычного Рунеберга, как и для многих аристократов того времени, Швеция не была прямой родиной (скорее, родиной предков), поэтому он без сомнений ставит акценты в пользу финского народа.

Литературные каноны Рунеберга подхватили романист и сказочник Закариас Топелиус (1818–1898), попавший в юном возрасте в кружок Рунеберга-Лённрота, и поэт, романист, основатель финского реализма Карл-Август Тавастшерна (1860–1898). После них финская литература «расслоилась» на шведоязычную – аристократическую, более интеллектуальную и, казалось, ветшающую; и финноязычную – модную, всесловную и бурную. Дальше пути окончательно разошлись: одна пошла психологически-тонкими путями Эдит Сёдергран и Туве Янссон; другая – самопознавательными, подстегивающими национальное чувство (представленное тесной связью с разговорным языком) путями Алексиса Киви и Эйно Лейно [7, с. 40–41].

Можно выделить следующие знаковые фигуры финляндской литературы на шведском языке за последнее столетие: Эдит Сёдергран, Туве Янссон, Мэрта Тикканен, Моника Фагерхольм. Четыре поколения – они символизируют четыре этапа развития литературы финляндских шведов: модернизм (1910–1930-е гг.); послевоенное время, пронизанное меланхолией Мумитроллей (1945–1970); доминирования гендерных вопросов (1960–1980-е гг.); «новая» литература конца XX – начала XXI столетий. Вышеупомянутые авторы лучше известны в северных странах (северная ментальная солидарность?), но главный голос принадлежит, бесспорно, Туве Янссон. Вне этого списка «вечный кандидат» на Нобелевскую премию Бу Карпелан (1926–2011), многогранное творчество которого переведено на мировые языки, а одной из главных его премий стала французская Prix Européen de Littérature от 2006 г.

После обретения независимости на рубеже 1917–1918 гг. финляндская литература все жестче устанавливала *границы* национальной литературы (отделяясь как от русской, так и от соседней скандинавской), и даже в период «культуры после наций» четко их придерживается. В этом контексте можно согласиться с К. Цюрхером, который утверждает, что в по-

следнее время складывается впечатление, что границы между различными культурами охраняются не менее тщательно, чем прежде [15, с. 20].

В целом ситуация литературной изолированности свойственна Финляндии: несмотря на активный прием эмигрантов, ее литература существует в основном в рамках собственной нации – в формате двух языков со значительным преобладанием финского. В качестве исключения можно отметить следующий факт: в 2019 г. высшую литературную премию страны *Finlandia* впервые получил писатель иностранного (югославского) происхождения; аналогичная ситуация со второй по значимости литературной премией имени Рунеберга, которую в 2005 г. получила Зинаида Линден.

Возникает своеобразный культурный диссонанс: мультикультурные процессы в различных областях (дизайне, музыке, архитектуре и пр.) зачастую противопоставляются литературной монокультуре, в которой, правда, уже давно преобладает мультикультурная тематика. Тем не менее, данная монокультура является все-таки «многослойной»: кроме шведоязычной финской литературы, например, существует русскоязычная литература Финляндии, однако влияние данных «слоев» на общество сложно назвать определяющим. Но даже те немногие шведоязычные авторы, которым удалось выйти за границы своего «ареала», получают известность в стране только после перевода на финский язык.

В эссе из книги «Линии между звездами» (2002) Маццарелла высказывает справедливую точку зрения, что современность в Финляндии почти не существует по-шведски [11, с. 240]. Ситуация показательна не только для столичного региона, доминирующего в стране, но и для многих других областей, за исключением прибрежной части Эстерботнии и Аландских островов. Иной стороной вопроса является метафора *долины муми-троллей*: шведоязычный финский мир зачастую сравнивают именно с пространством [11, р. 262–282], воплощенным Туве Янссон – символом обособленности и уязвимости. Инерционность шведской литературы, сложная специфика контактов с финской ведут к *одиночеству нескольких измерений*: так модернист Раббе Энкель в 1960-е гг., говоря об одиночестве финско-шведского писателя, упоминал само-рефлексию, оторванность от Швеции, от финской Финляндии [11, с. 245].

Таким образом, шведоязычная финская литература как литература национального

меньшинства находится в весьма специфической ситуации. Возможность выйти в литературное пространство северных стран из-за универсальности шведского языка (литературный совпадает с финляндским шведским) позволяет говорить о потенциально широкой читательской аудитории, однако тексты шведоязычных финских авторов зачастую затрудняют доступ внутрь себя в стремлении соблюсти культурную дистанцию. Помимо этого, все процессы по усвоению изначально чуждых литературе меньшинства явлений происходит намного медленнее, чем в литературе большинства. Н. Высоцкая справедливо отмечает, что литература меньшинства уже не является ограниченной в плане смысла и значимости рамками породившей ее группы, не является частностью в универсализме мейнстрима [9, с. 19].

Эдит Сёдергран и Генри Парланд как пример граничного явления

Поэзия всегда была отличительной чертой (и даже «изюминкой») шведоязычной литературы Финляндии. Такая литературная традиция сформировалась во многом благодаря модернистам 1910–1930-х гг., которые внесли значительный вклад в финляндскую шведоязычную (и в шведскую) литературу в целом. Эдит Сёдергран, Хагар Ульссон, Гуннар Бьёрлинг, Элмер Диктониус, Раббе Энкель и Генри Парланд стали членами новой авангардной школы, которые смело экспериментировали с новыми идеями и стилистическими средствами [18, р. 108, 215].

Модернисты так и не образовали сплоченную группу, однако их «выход на сцену» был достаточно ранним, что предопределило тесное соседство, в том числе, с русской литературой. Например, Эдит Сёдергран и Генри Парланд, имея русские культурные корни, не могли не оказаться под влиянием русских литературных течений своего времени: в первую очередь, символизма и футуризма. Сёдергран чувствовала связь с Ахматовой, Блоком, Бальмонтом и особенно Северяниным; Парланд зачитывался Маяковским, а в своих критических статьях развивал положения символизма Андрея Белого.

Необходимо отметить, что и Э. Сёдергран, и Г. Парланд безусловно являются национальными финляндскими авторами. Кроме того, Сёдергран также считают национальным шведским поэтом, и оба автора находятся на пути к тому, чтобы быть признанными «своими» в России. Их произведе-

ния преодолевают эти условные границы, ориентируясь на европейский литературный процесс: здесь уместно вспомнить увлечение Сёдергран немецкой и русской литературами, Парланда – русской литературой, творчеством Кафки и Пруста.

Неудивительно, что противопоставление двух крайностей – «я» и «остальной мир» – стало основополагающим в творчестве рассматриваемых авторов. Используя указанную дихотомию (спровоцированную, в том числе, внешней социальной изолированностью авторов), на примере их творчества можно рассматривать диалог «своего» и «чужого» в ином аспекте: пространственной, временной, ценностной и смысловой «внеаходимости» автора. Идея «внеаходимости» – состояние неполного присутствия (взаимодействии этнического меньшинства и большинства) и вне пределов локализации (вдали от финляндского литературного процесса) – достаточно наглядно иллюстрирует указанный диалог в случае обоих авторов. И показывает его актуальность в контексте взаимодействия «автора» и «наднационального литературного поля» [6, с. 496–497, 503–504].

Оба автора в той или иной степени отождествляли себя с Финляндией. То, что они являются важной частью финской шведоязычной литературы, сегодня не вызывает сомнений – с небольшой ремаркой о шведской литературной составляющей Сёдергран, являющейся следствием языковой близости. Поэтому творчество Э. Сёдергран и Г. Парланда можно назвать примером сложного единства культур вне рамок национальности и языка. Что отражает пограничность культурного акта и постоянную его корреляцию с разнородными культурными импульсами, напрямую не связанных с ареалом наций, но активно опирающихся на их *границы*.

Двухязычный автор как пограничная идентичность

Другим автором, творчество которого можно рассматривать в граничном контексте, является Зинаида Линден. Писатель особый – с русским именем, со шведской фамилией. С русскими корнями, со шведоязычной финляндской традицией. Имеющий две родины (по рождению и по призванию), но находящейся между ними. Писатель неприкаянный. Ее неприкаянность напрямую связана с ее кросс-культурностью, с отсутствием жесткой привязки к триаде «нация-национальность-язык», которая по традиции формирует взаимоотношения между культурами.

Линден признается, что тема разрушения привычных стереотипов о тех или иных нациях доминирует в ее произведениях. Она скрупулезно пытается разобраться, как человек, попавший в чужую страну, ищет себя в *границах* нового культурного и бытового пространства, насколько он готов смириться с участью быть на периферии. Условная «оторванность» от родины (Санкт-Петербург находится в шестистах километрах от Турку, где она проживает) дает ощущение контакта с двумя культурами, наиболее остро ощущаемая именно на границе – государств, культур, языков.

«Линден – больше, чем просто кросс-культурный феномен», – утверждает известный финляндский литературовед и критик Трюгве Сёдерлинг. В рамках современной шведоязычной прозы Финляндии это действительно так (следует отметить, что крупная форма возникла на рубеже веков – раньше финляндские шведы славились стихами, эссе, но не романами), однако сможет ли она стать событием для современной русской литературы? Русским писателем с финской шведоязычной культурной составляющей? Публикации в «Новом мире» (2014) и «Зинзивере» (2015, 2018), а также издание небольшими тиражами пяти книг на русском языке пока не подтверждают и не опровергают указанный выше тезис.

Вопреки достаточно часто культивируемому «золотому сечению», которое показывает социальные процессы внутри современного финляндского общества практически идеальными, Линден заостряет внимание на его болезненных точках, но делает это аккуратно, будто вкрадливо. Безудержный протест, как и полная аморфность, несвойственны героям Линден: ключевая позиция автора – «граничный эффект», танец на канате. В естественных науках граничные явления самые непредсказуемые, и герои Линден балансируют на тонком канате, «стягивающим» несколько стран, порой не понимая, как пройти на противоположную сторону.

Линден с ее «рабочим двухязычием» – включение (или явление!), связывающее воедино культуры нескольких стран: Финляндии, России, Швеции. Для всех трех стран она остается загадкой – русской душой с финляндско-шведским менталитетом. Нетипичным (и неожиданным) финским писателем, глубоко укоренившимся в местные традиции. Настоящее двухязычие – почти все ее произведения имеют и шведские, и русские версии – не допускает возможности участия кого-то другого в

переводе текстов с одного языка на другой. Две версии ее произведений отличаются несущественно, но некоторые смысловые потери из-за неоднозначности перехода из одного языка в другой, конечно, присутствуют. Однако это не уменьшает самоценности каждой версии текста, неслучайности перехода замысла автора из одного языка в другой.

Таким образом, «меньшинство в квадрате» Зинаиды Линден достаточно наглядно проецируется на процессы поиска оптимальных границ современных национальных литератур на фоне мультикультурных коммуникаций. Сложная динамика процесса не подразумевает однозначного ответа на вопрос, является ли двуязычный автор типичным представителем сегодняшней культуры «после наций». Можно сказать, что он является следствием глобализации, зримо связанной с культурными границами наций [5, с. 328, 330, 333, 341].

Дуализм литературного поля

Обобщая рассмотренное выше, можно выделить следующие черты шведоязычной финской литературы. Являясь литературой национального меньшинства с официальным статусом языка и активной финансовой поддержкой культурных фондов, она имеет значительные возможности для самостоятельного развития. Тем не менее, ее нельзя рассматривать отдельно от финской и шведской литератур, которые оказывают на нее существенное влияние – и зачастую диктуют пути развития. Широкое взаимодействие со шведской литературой (произвольное и непроизвольное) приводит к «граничному эффекту»: произведения самых известных современных финских шведоязычных авторов (их круг весьма узок) порой имеют больше читателей на другом берегу Ботнического залива, чем на родном (в оригинальном варианте, а не в переводе на финский язык!). В данном контексте можно даже отметить, что книги авторов являются «дважды опубликованными». Так за период 2000–2016 гг. в среднем выходило около 4 книг в Швеции в год, что составляет около 19 % от общего количества шведоязычных изданий в Финляндии [24, р. 27–28]. Менее известные авторы остаются в узком кругу финляндских шведов.

Это дает еще одну важную черту – изолированность, которая подчеркивает то, что шведоязычная финская литература находится в собственном микрокосме. Однако широко распространенный среди финляндских шведов билингвизм позволяет соприкасаться с

национальной литературой, что, кроме перевода произведений на финский язык, дает возможность участвовать в общефинском литературном процессе. Перевод в данном контексте является случай пересечения границы: переопределение «своего» и «чужого», в результате которого происходит соприкосновение на уровне переводов и трансформаций текстов, но в рамках одной нации. Размытая граница культурных ареалов – в случае финноязычных и шведоязычных финнов это проявляется особенно ярко – ведет к прямому диалогу культур с легким оттенком противопоставления центра и периферии. Поэтому несмотря на свое промежуточное положение шведоязычная финская литература характеризуется «близостью к своим периферийным областям» [26, р. 63].

Другой значительной чертой является известность шведоязычных финских авторов (Туве Янссон, Моника Фагерхольм, Эдит Сёдергран, Бу Карпелан и др.) за пределами Финляндии. Однако контакты с литературой Северных стран не предполагают широкую вовлеченность в европейский литературный процесс, что вновь подчеркивает изолированность шведоязычной финской литературы как литературы национального меньшинства. Тем не менее, она является частью финской литературы, а пограничное состояние дает возможность существовать как в финской литературе, так и вне ее – в шведской литературе. Но официальный статус языка и «приближенность» к шведской литературе не способствует уменьшению изоляции, а, скорее, подчеркивают ее.

Неудивительно, что описание литературы финляндских шведов обычно базируется на указанном дуализме: «не является ни финской, ни исконно-шведской (*riks-svensk*), но находится во взаимодействии с обеими» [17, р. 13]; рассматривается как «в двойном смысле провинциальная» [25, р. 11] или «находится между установленными категориями нации и языка» [21, р. 47]. В то же время она представляется плодотворной, если анализировать ее с транснациональной точки зрения для переосмысления национальной (в узком смысле) модели литературы.

В заключение нужно выделить еще одну перспективу шведоязычной финской литературы. Дальнейшее ее развитие напрямую связано со статусом шведского языка в Финляндии: пока тот является официальным языком со значительной поддержкой (статус, институты, финансирование, традиции...), его

положение в целом можно охарактеризовать как устойчивое. Однако процесс финализации, пронизывающий почти всю общественную финскую жизнь, в дальнейшем может еще больше маргинализировать статус шведоязычной финской культуры (литературы в частности) и лишить ее своеобразного «рельефа», отличающего ее как от финской, так и от шведской культуры. В таком случае шведоязычной финской литературе грозит переход в разряд литературы меньшинства, не имеющий официальных

преференций (аналогично с ситуацией русскоязычной литературы Финляндии), и окончательная потеря влияния на общефинский литературный процесс. Но даже при таком повороте событий ее исторический след и традиции – как составной части национальной литературы – останутся неизменными: оставаясь самодостаточной и во многом традиционной, она представляет собой значимое литературное явление.

Список источников и литературы

1. *Анциферов, Н.* Проблемы урбанизма в русской художественной литературе. Опыт построения образа города – Петербурга Достоевского – на основе анализа литературных традиций / Н. Анциферов. – Москва: ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, 2009. – 581 с.
2. *Бахтин, М.* Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М. Бахтин. – Москва: Худ. лит., 1975. – 502 с.
3. *Бахтин, М.* Проблема формы, содержания и материала в словесном художественном творчестве / М. Бахтин // Собр. соч. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. – Москва: Издательство «Русские словари», 2003. – С. 264–325.
4. *Бёрк, П.* Что такое культуральная история? / П. Бёрк. – Москва: ВШЭ, 2015. – 240 с.
5. *Востров, А.* Зинаида Линден. На грани культур / А. Востров // Вопросы литературы. – 2015. – №6. – С. 328–341.
6. *Востров, А.* Творчество Э. Сёдергран и Г. Парланда: транснациональное или многонациональное явление финляндской литературы / А. Востров // Скандинавские чтения. – 2016. – С. 495–505.
7. *Востров, А.* Финляндско-шведский модернизм / А. Востров // LiteraruS. – 2015. – № 1. – С. 40–46.
8. *Востров, А.* Шведский архипелаг Финляндии / А. Востров. – СПб: Карелико, 2014. – 171 с.
9. *Высоцкая, Н.* Транскультура или культура в транс? / Н. Высоцкая // Вопросы литературы. – 2004. – №2. – С. 3–24.
10. *Лотман, Ю.* Семиосфера / Ю. Лотман. – Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 2000. – 704 с.
11. *Маццарелла, М.* Почему я плохо говорю по-фински. Фрагменты книги «Линии между звездами» / М. Маццарелла // Иностранная литература. – 2009. – №9. – С. 233–247.
12. *Сойни, Е.* Взаимопроникновение русской и финской литературы в первой половине XX столетия / Е. Сойни. – Москва: ЯСК, 2017. – 453 с.
13. *Топоров, В.* Петербургский текст русской литературы: избранные труды / В. Топоров. – СПб.: «Искусство – СПб», 2003. – 612 с.
14. *Ушакин, С.* Вне находимости: Бахтин как чужое свое / С. Ушакин // Новое литературное обозрение. – 2006. – №79. – С. 73–85.
15. *Цюрхер, К.* Мультикультурализм и этнополитический порядок в постсоветской России: некоторые методологические замечания / К. Цюрхер // Полис (Политические исследования). – 1999. – №6. – С. 105–118.
16. *A History of Finland's Literature* / ed. George C. Schoolfield. Lincoln NE: University of Nebraska Press, 1998. – 705 p.
17. *Ekman, M.* «Uppkomsten av en minoritetslitteratur», i Finlands svenska litteratur 1900–2012 / M. Ekman. – Helsingfors: SLS; Stockholm: Atlantis, 2014. S. 13–21.
18. *Finlands svenska litteratur 1900–2012* / red. M. Ekman. Helsingfors: SLS; Stockholm: Atlantis, 2014. – 376 p.
19. *Klinkmann, S.-E.* I fänrikarnas, martallarnas och dixietigrarnas land: en resa genom det Svenska I Finland / S.-E. Klinkmann. – Helsingfors: SLS, 2011. – 382 p.
20. *Klinkmann, S.-E.* Om finlandssvenska identiteter, intersektioner och hanteringsstrategier / S.-E. Klinkmann // Föreställda finlandssvenskheter. – 2017. – S. 29–56.
21. *Malmio, K.* Här och där, nära och fjärran – den finlandssvenska minoritetslitteraturens många rum i senmoderntiden / K. Malmio // Tijdschrift voor Skandinavistiek. – 2018. – № 36(2). – S. 44–57.
22. *Malmio, K.* Mötet mellan lokala och globala rum / K. Malmio // Historiska och litteraturhistoriska studier. – 2016. – № 91. – S. 37–65.

23. *Paasi, A.* Borders and Regions in a transforming Northern Europe: a conceptual perspective / A. Paasi // *The flexible frontier: change and continuity on Finnish-Russian relations. Aleksanteri series.* – 2007. – № 5. – P. 24–41.

24. *Riitamaa, T.* Det eviga problemet Sverige: Om utgivningen av ny finlandssvensk skönlitteratur i sverigesvenska delupplagor åren 2000–2016 / T. Riitamaa // *Historiska och litteraturhistoriska studier.* – 2018. – № 93–S. 17–46.

25. *Warburton, T.* Åttio år finlandssvensk litteratur / T. Warburton. – Helsingfors: Schildts, 1984. – 443 p.

26. *Österlund, M.* "Glokal" litteraturhistoria: på väg mot en omvärdering av finlandssvensk barnlitteratur / M. Österlund, M. Lassén-Seger, M. Franck // *Barnlitterært Forskningstidsskrift.* – 2011. – №2(1). – S. 60–71.

Востров Алексей Владимирович – старший преподаватель кафедры «Телематика» Института прикладной математики и механики Санкт-Петербургского политехнического университета, историк, литературовед (г. Санкт-Петербург, Россия), alex.sinkriver@gmail.com

SWEDISH LANGUAGE FINNISH LITERATURE AS A BOUNDARY PHENOMENON OF CULTURE

Vostrov A. V.

The article considers Swedish language Finnish literature as a constituent part of Finnish literature and its relationship with language allied Swedish literature. It introduces the concept of boundary based on the Lotman's theory of semiotics, the Antsiferov's local historical method, and the Bakhtin's complex of ideas in the context of the mentioned above literature of the national minority. It reviews the main features of Swedish language Finnish literature, its historical development, and contemporary situation. The conclusion analyses the prospects of its further development.

Keywords: Swedish language Finnish literature, theory of semiotics, local historical method of Nikolai Antsiferov, Mikhail Bakhtin, boundary cultures.

References

1. *Anciferov N.* Problemy urbanizma v russkoj hudozhestvennoj literature. Opyt postroeniya obraza goroda – Peterburga Dostoevskogo – na osnove analiza literaturnyh tradicii [Problems of urbanism in Russian fiction. Experience in building the image of the city - Dostoevsky's Petersburg - based on the analysis of literary traditions]. Moscow: IMLI im. A. M. Gor'kogo RAN, 2009. 581 p. (In Russ.)

2. *Bahtin M.* Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznyh let [Questions of Literature and Aesthetics. Researches of different years]. Moscow: Hud. lit., 1975. 502 p. (In Russ.)

3. *Bahtin M.* Problema formy, sodержaniya i materiala v slovesnom hudozhestvennom tvorcestve [The problem of form, content and material in verbal artistic creativity]. Sobranie sochinenij v 7 tomah. Tom 1: Filosofskaya estetika 1920-h godov. [Collected works in 7 volumes. Volume 1: Philosophical Aesthetics of the 1920s.]. Moscow: Izdatel'stvo «Russkie slovari», 2003. P. 264–325. (In Russ.)

4. *Byork P.* Chto takoe kul'tural'naya istoriya? [What is cultural history?]. Moscow: VShE, 2015. 240 p. (In Russ.)

5. *Vostrov A.* Zinaida Linden. Na grani kul'tur [Zinaida Linden. On the verge of cultures]. Voprosy literatury [Questions of Literature]. 2015. №6. P. 328–341. (In Russ.)

6. *Vostrov, A.* Tvorchestvo E. Syodergran i G. Parlanda: transnacional'noe ili mnogonacional'noe yavlenie finlyandskoj literatury [Creativity of E. Södergran and G. Parland: transnational or multinational phenomenon of Finnish literature]. Skandinavskie chteniya [Scandinavian Readings]. 2016. P. 495–505. (In Russ.)

7. *Vostrov A.* Finlyandsko-shvedskij modernizm [Finnish-Swedish Modernism]. LiteraruS [LiteraruS]. 2015. № 1. P. 40–46. (In Russ.)

8. *Vostrov A.* Shvedskij arhipelag Finlyandii [The Swedish archipelago of Finland]. – SPb: Kareli-ko, 2014. 171 p. (In Russ.)

9. *Vysockaya N.* Transkul'tura ili kul'tura v transe? [Transculture or culture in trance?]. Voprosy literatury [Questions of Literature]. 2004. №2. P. 3–24. (In Russ.)

10. *Lotman Yu.* Semiosfera [Semiosphere]. SPb: Iskusstvo-SPb, 2000. 704 p. (In Russ.)

11. *Maccarella M.* Pochemu ya ploho govoryu po-finski. Fragmentsy knigi «Linii mezhdz zvezdami» [Why I speak Finnish badly. Fragments of the book "Lines between the stars"]. Inostrannaya literatura [Foreign Literature]. 2009. №9. P. 233–47. (In Russ.)
12. *Sojni E.* Vzaimoproniknovenie russkoj i finskoj literatury v pervoj polovine XX stoletiya [Interpenetration of Russian and Finnish Literature in the First Half of the 20th Century]. Moscow: YaSK, 2017. 453 p. (In Russ.)
13. *Toporov V.* Peterburgskij tekst russkoj literatury: izbrannye Trudy [Petersburg Text of Russian Literature: Selected Works]. SPb.: «Iskusstvo – SPB», 2003. 612 p. (In Russ.)
14. *Ushakin S.* Vne nahodimosti: Bahtin kak chuzhoe svoe [Out of location: Bakhtin as someone else's own]. Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Review]. 2006. №79. P. 73–85. (In Russ.)
15. *Cyurher K.* Mul'tikul'turalizm i etnopoliticheskoj poryadok v postsovetskoj Rossii: nekotorye metodologicheskie zamechaniya [Multiculturalism and ethno-political order in post-Soviet Russia: some methodological remarks]. Polis (Politicheskie issledovaniya) [Polis (Political Studies)]. 1999. №6. P. 105–118. (In Russ.)
16. *A History of Finland's Literature* / ed. *George C. Schoolfield*. Lincoln NE: University of Nebraska Press, 1998. 705 p.
17. *Ekman M.* Uppkomsten av en minoritetslitteratur», i Finlands svenska litteratur 1900–2012. Helsingfors: SLS & Stockholm: Atlantis, 2014. S. 13–21.
18. *Finlands svenska litteratur 1900–2012* / red. *M. Ekman*. Helsingfors: SLS & Stockholm: Atlantis, 2014. 376 p.
19. *Klinkmann S.-E.* I fänrikarnas, martallarnas och dixietigrarnas land: en resa genom det Svenska i Finland. Helsingfors: SLS, 2011. 382 p.
20. *Klinkmann S.-E.* Om finlandssvenska identiteter, intersektioner och hanteringsstrategier. Föreställda finlandssvenskheter. 2017. S. 29–56.
21. *Malmio K.* Här och där, nära och fjärran – den finlandssvenska minoritetslitteraturens många rum i senmoderntiden. Tidskrift voor Skandinavistik. 2018. 36(2). S. 44–57.
22. *Malmio K.* Mötet mellan lokala och globala rum. Historiska och litteraturhistoriska studier. 2016. 91. S. 37–65.
23. *Paasi A.* Borders and Regions in a transforming Northern Europe: a conceptual perspective. The flexible frontier: change and continuity on Finnish-Russian relations. Aleksanteri series. 2007. № 5. P. 24–41.
24. *Riitamaa T.* Det eviga problemet Sverige: Om utgivningen av ny finlandssvensk skönlitteratur i sverigesvenska delupplagor åren 2000–2016. Historiska och litteraturhistoriska studier. 2018. 93. S. 17–46.
25. *Warburton T.* Åttio år finlandssvensk litteratur. Helsingfors: Schildts, 1984. 443 p.
26. *Österlund M., Lassén-Segeer, M., Franck, M.* "Glokal" litteraturhistoria: på väg mot en omvärdering av finlandssvensk barnlitteratur. Barnlitterært Forskningstidsskrift. 2011. №2(1). S. 60–71.

Vostrov Alexey Vladimirovich – Senior Lecturer, Telematics Department, Institute of Applied Mathematics and Mechanics, St. Petersburg Polytechnic University, historian, literary critic (St. Petersburg, Russia), alex.sinkriver@gmail.com

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Востров, А. В. Шведоязычная финская литература как пограничный феномен культуры / *А. В. Востров* // Социо-гуманитарные публикации. – 2022. – № 2. – С. 61–70.

FOR CITATION:

Vostrov A. V. Shvedoyazychnaya finskaya literatura kak pogranichniy fenomen kultury [Swedish language Finnish literature as a boundary phenomenon of culture]. Socio-humanitarian communications [Sociogumanitarnye kommunikacii]. 2022. №2(2). P. 61–70.